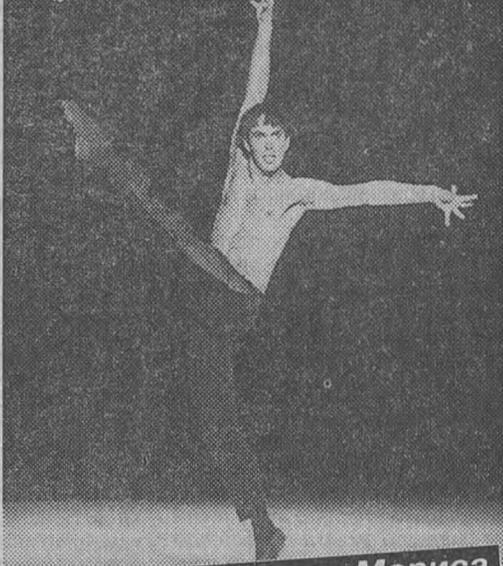

"СМЕРТЬ ИЗОЛЬДЫ" КАК СИМВОЛ НАДЕЖДЫ?

Тогда, в семидесятые, гастролы в Москве труппы Мориса Бежара "Балет XX века" стали для нас колоссальным событием. Его спектакли — "Девятая симфония" на музыку Бетховена, "Ромео и Юлия" на музыку Берлиоза, "Весна священная", "Петрушка" и "Жар-птица" И. Стравинского — воспринимались как откровение. Первый танцовщик труппы Хорхе Донн мгновенно покориł московских зрителей, а наши признанные кумиры — М. Плисецкая, Е. Максимова и В. Васильев в балетах Бежара раскрылись с совершенно неожиданной стороны. Неведомой, непривычной, шокирующе смелой оказалась не только сама хореографическая лексика, но и все режиссерское построение спектакля, ломающее наши традиционные представления о современном балетном театре. Пресса же молчала — откликаться на те гастролы "не рекомендовали". С тех пор постановки Бежара мы смотрели в основном на экране — на фестивалях видеотанца, изредка проходящих в Москве. Поэтому интерес к нынешним гастролям самого знаменитого хореографа мира с его новой труппой "Бежар Балет Лозанн", конечно же, был огромный. Но такого же потрясения, как прежде, мы, увы, уже не испытали...

Показанный на сцене Большого театра балет "Метаморфозы" на музыку Дж. Глезона, Дж. Зорна и Х. Ле Бара (его премьера состоялась всего два месяца назад в Италии) с подчеркнутой декларативностью и плакатной прямолинейностью раскрывает тему вероятной планетарной катастрофы, столь актуальную сейчас в западном искусстве. Перед нами монтаж хореографических эпизодов, иллюстрирующих трагическую летопись самоуничтожения человечества. По сути, это протест человека европейской культуры против тотальной американизации цивилизации с ее бездуховностью, угрозой заражения окружающей среды, грядущей атомной катастрофой и т.д. Американизация всего и вся приобретает в балете Бежара гротескные формы: мужчины явлены в образе разможенных непобедимых Рембо — по пояс обнаженные и с непременными автоматами в руках. Женщины — либо мюзик-холльные примадонны, бесчувственные дивы в эффектных туалетах (костюмы покойного Дж. Версаче), либо — холодные представительницы сексуальных меньшинств. На экране, заменяющем собою декорацию, появляются изображения то затонувшей подводной лодки, то атомного взрыва, то потрескавшейся земли, то останков разложившихся человеческих тел. Планета превращена в ужасающую свалку, где люди приравнены к мусору: метафора с мусорными баками, куда залезают все участники спектакля, — не оставляет возможности иных толкований. Стремясь к максимальной доходчивости, Бежар упрощает и подчас огрубляет хореографический язык, лексика уже в бесчисленный раз варьирует его узнаваемый почерк. Даже в сцене "прощального танца", исполненного кучкой уцелевших людей перед отлетом на космическом корабле с Земли в неизвестность, — в вызывающем, легкомысленно-веселом настроении героев чувствуется издевка постановщика над всевозможными американскими шоу. В финале герой спектакля (его исполняет звезда труппы Жиль Роман), подняв засохший цветок, говорит залу на русском языке, что он остается. И тогда сцена мгновенно превращается в цветущий газон; зла-

Танцует Жиль Роман.

Двадцать лет назад спектакли Мориса Бежара казались более современными

токая девочка, похожая на ангела, подбегает к герою и доверчиво припадает к нему, напоминая о до боли знакомой, хрестоматийной скульптуре советского воина-освободителя, установленной в Берлине. Сентиментально-трогательный финал, якобы дарующий надежду на спасение (мысль Бежара, высказанная им на пресс-конференции: "Надежда — это всегда победа!"), столь же плакатно однозначен и озадачивающе наивен, как и весь спектакль. Тем более непонятно, почему он заканчивается музыкальной цитатой из "Смерти Изольды" Вагнера, — неужели это и есть, по Бежару, символ оптимизма?

Второй балет на музыку группы "Queen" и Моцарта, представленный на необычной сцене Государственного Кремлевского дворца, носит длинное название (которое, впрочем, никакого отношения к происходящему в спектакле не имеет): "Дом священника не потерял своего очарования, а сад — своей роскоши". Балет посвящен памяти Х.Донна и Ф.Меркьюри, чьи жизни оборвались в довольно раннем возрасте от СПИДа. Чуть позже к ним добавилось еще и имя трагически погибшего Дж.Версаче, создававшего костюмы для этого спектакля. "Я поставил балет не о СПИДе, а о людях, умерших молодыми", — сказал Бежар. Тему молодости в "Доме священника" олицетворяет поразительно пластичный, неотразимо обаятельный Жиль Роман, а самыми пронзительными мгновениями спектакля становятся крупные планы Хорхе Донна, возникшие на киноэкране. Его прекрасное и печальное лицо вернуло нас на двадцать лет назад. Те давние работы Бежара казались гораздо более современными, чем две его последние постановки, показанные в Москве...

Труда — с.ч.
Екатерина БЕЛОВА.

23 апреля 1998 года